

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Круглов А.В.

ВСЕЛЕНСКИЕ УЧИТЕЛИ

Часть I

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

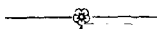

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Для школьнаго и семейнаго чтенія.

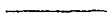
ВСЕЛЕНСКІЕ УЧИТЕЛИ.

II.

ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ.

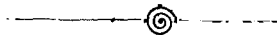
ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Составилъ **А. В. Кругловъ.**

Изданіе **В. Спиридонова и В. Постникова.**

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**, Пименовская уд., соб. д.

1899.

Дорогому другу,

Константину Ивановичу Смирнову

посвящаю эту книгу.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, августа 21-го дня, 1899 года.

Цензоръ Протоіерей Александръ Смирновъ.

Глава первая.

I.

Григорій Богословъ—ближайшій и вѣрный другъ Василія Великаго—одинъ изъ трехъ знаменитыхъ каппадокійцевъ *), прекрасно характеризуется Руфиномъ въ слѣд. словахъ: «Василій былъ смиренъ предъ Богомъ, но Григорій былъ смиренъ и передъ людьми». Если великій архіепископъ кесарійскій родился быть властелиномъ, и сознание своей силы всегда жило въ его душѣ, и только подавлялось чувствомъ христіанскаго смиренія, то Григорій Богословъ по природѣ отличался мягкостью, уступчивостью; онъ былъ чувствителенъ, чутокъ къ обидѣ, но довѣрчивый и поддающийся слову дружбы, скоро прощалъ оскорбленія. Онъ любилъ Василія и во многомъ охотно уступалъ ему первенство, старался выдвинуть его, хлопоталъ о немъ, всегда хвалилъ его и ни на минуту не смущался духомъ отъ этого. Смиреніемъ было пренеполнено сердце Григорія. Великой терпимостью отличался онъ и былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, «которыми рано овладѣваетъ благодать Божія, такъ что они живутъ жизнью цѣломудренной чистоты, и ихъ дни отъ самаго отрочества связываются другъ съ другомъ природнымъ

---

*) Василій Великій, его братъ Григорій, еп. Нисскій, и Григорій Богословъ.

благочестіемъ». Вѣрный завѣтамъ Добраго Пастыря, руководясь ими во всей своей жизни, обладая сердцемъ, которое не умѣло къ чему-либо привязываться наполовину, чувствовать слегка, Григорій Богословъ всецѣло посвящалъ себя служенію Церкви Христовой, и далъ ясное, цѣльное изложеніе ученія о Св. Троицѣ, о двоякомъ ествѣ Христа. Если о Василии Великомъ говорили: «одна улыбка его была похвалою, а молчаніе — укоризною», то о Григоріи Богословѣ не менѣе сильно сказано Руфиномъ: «всякій, кто осмѣливался расходиться съ Григоріемъ по какому-либо чину вѣры, тѣмъ самымъ навлекалъ на себя клеймо еретика». Не менѣе сильно сказано также еще о немъ: «на немногихъ страницахъ и въ немногіе часы онъ соединилъ и закончилъ споръ (богословскій) цѣлаго столѣтія». Не даромъ бл. Иеронимъ называлъ себя ученикомъ Григорія и считалъ за счастье слушать его.

II.

«Жизнь Григорія была въ различныхъ направленіяхъ руководима божественнымъ промысломъ. Но будучи ли въ домѣ родителей, или студентомъ въ Аѳинахъ, отшельникомъ въ Понтѣ, пресвитеромъ и викарнымъ епископомъ въ Назіанзѣ, или патріархомъ въ Константинополѣ и председателемъ вселенскаго собора, — онъ всегда былъ вѣренъ тому благочестивому воспитанію, которое онъ получилъ съ самаго ранняго дѣтства въ домѣ своихъ родителей».

Отца его звали также Григоріемъ, а мать Понной. Отецъ сначала былъ язычникомъ. Добрый, честный, справедливый и безкорыстный, онъ пользовался любовью и уваженіемъ гражданъ. Цѣня въ мужѣ хорошія душевныя качества, Понна печалилась все-таки тѣмъ, что онъ язычникъ. Она убѣждала мужа принять христіанство и молилась усердно Богу, прося Его помощи. И молитва была услышана. Однажды въ сновидѣніи Григорій увидѣлъ

себя поющимъ дивную пѣснь: «возвеселихся о рекшихъ мнѣ—въ домъ Господень пойдемъ». Онъ проснулся съ сердцемъ, трепетавшимъ отъ радости. Это сновидѣніе окончательно повліяло на рѣшеніе Григорія: онъ крестился, и вскорѣ же сдѣлался пресвитеромъ, а затѣмъ и епископомъ назіанзскимъ.

Нонна была замѣчательная христіанка. Глубоко преданная волѣ Божіей, она безропотно встрѣчала всякое испытаніе и въ пламенной молитвѣ искала утѣшенія и укрѣпленія духа. Дѣлать добро ближнимъ было для нея наслажденіемъ, ея душевной потребностью. Она говорила, что готова была бы продать себя и дѣтей своихъ въ рабство, чтобы только имѣть возможность пособить нуждающимся. Григорій Богословъ выражалъ прямо мысль, что молитва матери сохранила его именно такимъ, какимъ она желала его видѣть. «Она,—восторженно говорить онъ о матери,—для того только касается земли, чтобы здѣшней жизнью приготовиться къ жизни небесной».

Григорій Богословъ родился въ 329 году, въ Назіанзѣ.

III.

Заботясь о ребенкѣ со дня рожденія, благочестивая мать главное вниманіе обратила на воспитаніе его души. Какъ только онъ началъ понимать, онъ уже слышалъ о Богѣ, и рассказы изъ жизни святыхъ ласкали его слухъ и питали дѣтскую душу. Нонна рассказывала сыну исторію принесенія въ жертву Исаака, стараясь расположить сердце мальчика такъ, чтобы у него пробудилась горячая жажда всего себя посвятить Богу. «Вручая ему священное Писаніе, она выражала желаніе, чтобы божественная воля, высказанная въ Писаніи, сдѣлалась непреложнымъ закономъ для сына, и чтобы чтеніе священнаго Писанія стало такою же потребностью для его души, какъ насущный хлѣбъ для тѣла». И воспитаніе въ духѣ

христіанскомъ и семейные примѣры имѣли большое дѣйствіе на Григорія. Онъ уже въ дѣтствѣ проявлялъ серьезность, избѣгалъ шумныхъ игръ, предпочитая забавамъ бесѣды мудрыхъ мужей и чтеніе священныхъ книгъ. Самъ Григорій Богословъ говоритъ о себѣ: «Отъ пеленъ воспитанный во всемъ прекрасномъ, потому что имѣлъ образцы для себя дома, тогда еще приобрѣлъ я степенность, и, какъ облако къ облаку, мало-по-малу скоплялось во мнѣ усердіе къ совершенствованію. Я возросталъ, а вмѣстѣ преуспѣвалъ во мнѣ и разумъ. Съ радостью читалъ я книги, въ которыхъ говорилось о Богѣ, и имѣлъ обращеніе съ мужами, которые были совершенны и чисты».

Изучая подъ руководствомъ матеря священное Писаніе, свѣтскимъ наукамъ юный Григорій обучался у дяди Амѣлохія, извѣстнаго наставника риторики. Амѣлохій сумѣлъ въ племянникѣ пробудить жажду знанія, и юноша отправился для дальнѣйшаго образованія въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ и встрѣтился съ Василиемъ Великимъ. Изъ Кесаріи Каппадокійской Григорій поѣхалъ домой, чтобы попросить у родителей благословенія для дальнѣйшаго образованія. Пробывъ нѣкоторое время въ родительскомъ домѣ, Григорій отправился въ Кесарію Палестинскую, гдѣ среди учителей выдавался знаменитый риторъ Ѳеспесій. Младшій братъ Григорія—Кесарій, желавшій изучать медицину, избралъ Александрію, въ которой медицина преподавалась въ совершенствѣ. Вскорѣ въ Александрію же прибылъ и Григорій, любознательность котораго не удовлетворилась уроками Ѳеспесія. Въ Александріи Григорій встрѣтился со св. Аѳанасіемъ. Молодой челоуѣкъ проникся духомъ великаго борца за православіе и почувствовалъ въ себѣ еще бо́льшую рѣшимость сражаться съ врагами Церкви Христовой.

Изъ Александріи Григорій отправился въ Аѳины. Нельзя обойти молчаніемъ самаго путешествія. Пришлось плыть

по морю. «Время было самое неудобное для плаванія,— рассказываетъ самъ Григорій,—но меня влекла страсть къ наукамъ, особенно ободряло то, что корабельщики были какъ бы свои. Но едва мы совершили нѣсколько пути, поднялась страшная буря, какой, по словамъ плывшихъ со мною, не было на ихъ памяти. Двадцать дней и ночей лежалъ я на кормѣ корабельной, призывая въ молитвахъ Бога; пѣнистыя волны, подобныя горамъ и утесамъ, то съ той, то съ другой стороны ударяли въ корабль, и нерѣдко низвергались въ него; отъ порывистаго вѣтра, свистящаго въ канатахъ, потрясались все паруса, облака спустились, воздухъ омрачился, освѣщаясь на мгновеніе ослѣпительнымъ свѣтомъ молніи; оглушительныя раскаты грома, сотрясая воздухъ, приводили въ трепетъ все живое. Все пришло въ страхъ при видѣ общей смерти; но я боялся болѣе всехъ за свою душу, ибо подвергался опасности умереть некрещеннымъ и среди губительныхъ водъ желалъ воды духовной. Посему вопіялъ, просилъ и молилъ себѣ хотя малой отсрочки. Соединяли вопль свой и плывшіе со мною, несмотря на общую опасность. Такъ страдалъ я; но со мною страдали и родители, въ ночномъ видѣніи раздѣляя со мною бѣдствіе. Они съ суши подавали помощь, своими молитвами какъ бы заговаривая волны, о чемъ узналъ я, когда впослѣдствіи, по возвращеніи домой, высчиталъ время. А нѣкто изъ плывшихъ со мною, оказывавшій ко мнѣ особое расположеніе, видѣлъ, что, во время опасности, мать моя вошла въ море и, взявши корабль, безъ большого труда извлекла его на сушу. И видѣніе оправдалось, ибо море стало укрощаться, и мы векорѣ пристали къ Родосу. Во время сей-то опасности я принесъ себя въ даръ, давши обѣтъ, если спасуся, посвятить себя Богу, и, посвятить, спасся».

Въ Аѳинахъ Григорій усердно занялся науками. Вскорѣ прибылъ сюда и Василій. Здѣсь между нимъ и Григо-

ріємъ произошло самое тѣсное сближеніе. Все время ученія они жили подѣ однимъ кровомъ, какъ два брата, охваченные одинаковыми высокими стремленіями *).

IV.

Въ одно время съ ними въ Аѳинахъ слушалъ курсъ наукъ и Юліанъ, извѣстный въ исторіи подѣ именемъ Юліана Отступника. Еще христіанинъ по внѣшности, но уже язычникъ въ душѣ, Юліанъ прибылъ въ Аѳины, какъ бы желая усовершенствовать знанія, но тайная цѣль у него была совсѣмъ иная. Онъ хотѣлъ повидаться и поговорить съ языческими жрецами, изучить что надо для лучшей борьбы съ христіанствомъ и найти среди студентовъ и ученыхъ—людей, которые могли бы явиться его сообщиниками въ дѣлѣ возстановленія язычества. Крайне впечатлительный, Юліанъ воспитывался подѣ руководствомъ аріанъ, такъ какъ императоръ Констанцій былъ аріанинъ. Но что могли вложить въ душу юноши хорошаго продажные люди, изъ выгоды переходившіе отъ язычества въ аріанство, и наоборотъ? Въ Константиіи—императоръ христіанинъ—Юліанъ видѣлъ убійцу своего отца, въ христіанскомъ обществѣ, его окружавшемъ—пштриги и всевозможные пороки. Смѣшивая христіанство съ такими порочными его представителями, Юліанъ началъ ненавидѣть и то высокое ученіе, о которомъ не имѣлъ правильного понятія. И онъ стремился къ язычеству всѣми силами своей души. Живя въ Аѳинахъ, онъ «въ сопровожденіи жрецовъ посѣщалъ языческіе храмы, приносилъ въ нихъ жертвы, сожалѣлъ объ ихъ запустѣніи и выражалъ надежду на ихъ возстановленіе. Приведя Юліана въ одно идольское капище, элевзинскій жрецъ указалъ ему мѣсто среди самаго святилища и началъ

---

*) Аѳинская жизнь обоихъ друзей подробно описана мною въ очеркѣ жизни Василія Великаго.

вызывать лукавыхъ демоновъ. Когда же демоны явились въ обыкновенномъ своемъ видѣ, ужасъ охватилъ Юліана и заставилъ его невольно положить на челѣ своемъ крестное знаменіе. Увидѣвъ это знаменіе Христовой побѣды, демоны мгновенно исчезли. Волшебникъ сталъ укорять Юліана, узнавъ о причинѣ исчезновенія демоновъ. Юліанъ признался въ своемъ испугѣ и при этомъ выразилъ изумленіе—какъ велика сила креста, если демоны не устояли передъ нимъ и разбѣжались.

— Не думай того,—возразилъ хитрый обманщикъ,—они ушли не вслѣдствіе боязни, а по отвращенію къ тому, что сдѣлано тобою.

Сближаясь съ язычниками и уже мечтая въ душѣ объ уничтоженіи христіанства, Юліанъ, изъ боязни отвѣтственности передъ императоромъ, продолжалъ внѣшне казаться христіаниномъ и даже изучалъ вмѣстѣ съ Васи́ліемъ и Григоріемъ священное Писаніе. Однако то, что для многихъ оставалось тайною, было уже провидѣно Григоріемъ, который тогда же понялъ истинную цѣль пребыванія Юліана въ Аѳинахъ и предсказалъ то, чего должна ожидать отъ него христіанская Церковь. «Я не худо разгадалъ сего человѣка,—признается Григорій Богословъ,—хотя и не принадлежу къ искуснымъ въ семъ дѣлѣ. Меня сдѣлали прорицателемъ непостоянство его нрава и неумѣренная восторженность. Но мнѣ не предвѣщали ничего добраго: шея не твердая, плечи движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглыя, наглыя, свирѣпыя, ноги не стоящія твердо, но сгибающіяся, носъ выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и то же самое выражающіе, смѣхъ неумѣренный, наклоненіе и откидываніе головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочныя и несвязныя; отвѣты ничѣмъ не лучше. И я сказалъ тогда: какое зло воспитываетъ Римская имперія!» *).

*) См. объ Юліанѣ въ моемъ же очеркѣ: „Василій Великій“.

Григорію было 29 лѣтъ, когда онъ кончилъ свое образование и рѣшился вернуться на родину. Уѣзжалъ также и его другъ Василій. Но Аѳины не хотѣли отпустить тѣхъ, которыми гордилась аѳинская высшая школа. Учители и товарищи начали убѣждать Василія и Григорія остаться. Василій выказалъ непоколебимую твердость и уѣхалъ, но Григорій, по мягкости своей натуры, поддался просьбамъ и согласился остаться. Но безъ своего великаго друга ему Аѳины показались до тягости скучными. Онъ не выдержалъ, и вскорѣ уѣхалъ. Въ Константинополѣ онъ встрѣтился съ братомъ Кесаріемъ, который также сиѣшилъ домой.

Одновременное возвращеніе обоихъ сыновей наполнило радостью сердце Нонны. Отпуская ихъ въ чужіе края, она молила Бога, чтобы они, «и вернулись вмѣстѣ, какъ вмѣстѣ уѣхали». Не остался Григорій въ Аѳинахъ на нѣкоторое время, онъ не встрѣтилъ бы брата въ Константинополѣ. Такимъ образомъ уступка просьбамъ товарищей послужила причиной исполненія желанія Нонны. Она видѣла во всемъ этомъ благую руку Создателя, направляющаго жизнь людей и всегда готоваго услышать мольбу сердець чистыхъ и вѣрныхъ Ему.

У.

По возвращеніи домой, Григорій (вмѣстѣ съ братомъ Кесаріемъ) крестился. Послѣ крещенія ему предстояло избрать путь жизни. Онъ серьезно задумался надъ этимъ. «Жизнь созерцательная, вдали отъ міра, давно уже привлекала его къ себѣ». Онъ даже далъ слово другу Василію—еще въ Аѳинахъ—раздѣлить съ нимъ подвигъ отшельничества. Но многое заставляло колебаться его. Онъ понималъ все преимущество уединенія, жизни въ «горахъ и въ утесахъ», гдѣ, вдали отъ всякаго шума, «можно единому Богу возносить чистый умъ», и въ то

же время «жизнь отшельническая по исключительной сосредоточенности въ себѣ, по тѣсотѣ круга, въ которомъ заключена была ихъ любовь», казалась Григорію мало удовлетворительною. Ему хотѣлось своими знаніями служить Церкви и ближнему, хотѣлось дѣятельной любовью проявить себя. Въ то же время видъ уединенія не могло быть того внутренняго мира, покоя, что—также благо...

Но какъ же оставить однихъ престарѣлыхъ родителей? И вотъ любовь къ нимъ положила конецъ колебаніямъ. Григорій остался жить съ родителями, «стараясь идти среднимъ путемъ между отрѣшившимися отъ всего земного отшельниками и живущими въ обществѣ, занявъ у первыхъ чистоту помысловъ, а у вторыхъ—стараніе быть полезными для другихъ».

Онъ улаживалъ родителей своей ласкою, облегчалъ ихъ старость заботами, взявъ на себя завѣдываніе хозяйственными дѣлами, и въ то же время велъ жизнь подвижника: носилъ грубую одежду, спалъ на землѣ, питался только хлѣбомъ съ водою и все время, свободное отъ дѣловыхъ занятій, посвящалъ молитвѣ и чтенію слова Божьяго.

Между тѣмъ Василій поселился въ пустынѣ и звалъ друга раздѣлить уединеніе. Григорій долженъ былъ отказать и писалъ при этомъ Василю: «Признаюсь, измѣнилъ я обѣщанію жить съ тобою, какъ далъ еще слово въ Афинахъ, во время тамошняго сліянія сердець. Но измѣнилъ не добровольно, а потому что одинъ законъ превозмогъ надъ другимъ,—законъ, повелѣвающій покоить родителей, надъ закономъ дружбы. Впрочемъ, и въ этомъ не измѣню совершенно: иногда я буду у тебя, а иногда ты самъ навѣщай меня, чтобы все было у насъ общее и права дружбы остались равночестными».

И, согласно этому, Григорій посѣщалъ друга и жилъ съ нимъ въ его уединеніи, раздѣляя съ нимъ его подвиги, о чемъ впоследствии вспоминалъ въ своихъ пись-

махъ. «Кто мнѣ дастъ опять эти дни, — писалъ Григорій, — дни, въ которые я увеселялся съ тобою въ злостраданіяхъ, потому что скорбное, но добровольное важнѣе пріятнаго, но невольнаго? Кто дастъ мнѣ эти псалмопѣнія и бдѣнія? Кто дастъ поденныя и ручныя работы — переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе, поливаніе? Кто дастъ этотъ златой яворъ, который насадилъ я, а возрастилъ Богъ къ моей чести, чтобы сохранялся онъ у васъ памятникъ моего трудолюбія?..»

Но друзья не только работали въ саду и въ полѣ, они занимались и чтеніемъ священныхъ книгъ, толкованіемъ Писанія и составленіемъ правилъ для монастырской жизни.

VI.

«Григорій-отецъ часто нуждался въ присутствіи сына, который былъ краснорѣчивъ, обладалъ обширными познаніями, какъ въ свѣтскихъ наукахъ, такъ и въ словѣ Божіемъ, отличался твердостью вѣры и умѣлъ бороться съ еретиками, т.-е. обладалъ тѣми качествами, которыя были всего нужнѣй въ то смутное время, когда аріанствомъ заразился почти весь Востокъ». И вотъ въ праздникъ Рождества (въ 361 г.) Григорій былъ посвященъ въ пресвитеры. Молодому священнику, столь способному на борьбу съ язычествомъ и ересями, пришлось вскорѣ же выступить съ обличеніемъ противъ Юліана, занявшаго престолъ послѣ смерти Констанція.

Сдѣлавшись императоромъ, Юліанъ сбросилъ маску и открыто заявилъ себя язычникомъ и врагомъ христіанства. Желая торжества язычеству и уничтоженія «секты галилейской», Юліанъ однако не началъ открытыхъ гоненій противъ послѣдователей Христа. Юліанъ хорошо понималъ, что всякое гоненіе только помогло бы христіанству, ибо смерть одного мученика пораждала десятки и сотни новыхъ христіанъ. Императоръ задумалъ ослабить христіан-

ство, сдѣлавъ его «религією невѣждъ», не давъ возможности христіанамъ получать образованіе. «Юліану было извѣстно, что многіе христіане посѣщаютъ языческія школы и сами являютя педагогами въ своихъ школахъ. Ученые споры его съ христіанами показали ему, что въ рядахъ христіанъ много просвѣщенныхъ людей, которые могутъ вести борьбу съ языческимъ міромъ не только силой вѣры и подвига, но и оружіемъ язычества—силой учености, краспорѣчія, почерпнутымъ въ языческихъ училищахъ. Особенно ему казалось невыносимымъ, что христіанскіе педагоги въ школахъ подрываютъ язычество». И вотъ Юліанъ издалъ указъ, имѣющій цѣлію сдѣлать преподаваніе въ школахъ привилегіей язычниковъ. «Всѣ желающіе заниматься обученіемъ юношества—говорилось въ указѣ—должны быть прежде всего безукоризненной нравственности и уклоняться отъ мнѣній, противныхъ народнымъ (т.-е. языческимъ) вѣрованіямъ. Что я вижу на дѣлѣ? Гомеръ, Демосѣенъ и др. признаютъ боговъ отцами всѣхъ знаній, а педагоги, изъясняющіе творенія этихъ великихъ людей—оскорбляютъ боговъ. Я предлагаю на выборъ: или не изучать того, что они не уважаютъ, или согласиться и не обличать предъ юношами въ заблужденіи Гомера и др. Кто думаетъ иначе, можетъ итти въ храмы галилеянъ и учиться толкованію своихъ книгъ».

Христіанскія школы были закрыты. Въ языческія школы дѣтей-христіанъ не стали принимать; христіанамъ-педагогамъ было запрещено преподаваніе.

Противъ этого возстали многіе христіане, получившіе сами широкое научное образованіе,—и съ особенной энергіей, съ особеннымъ жаромъ возсталъ Григорій Богословъ. Онъ писалъ: «По какому праву этотъ человѣкъ (Юліанъ) утверждаетъ, что греческое образованіе принадлежитъ ему и его богамъ? Есть ли основаніе запрещать его намъ, потому что творцами его были язычники? Египтяне, финикіане и другіе народы имѣютъ своихъ мудрецовъ, сдѣ-

лавныхъ различныя изобрѣтенія. Что же вышло бы, если бы они вздумали дѣлать изъ этихъ изобрѣтеній монополию и запрещать другимъ пользоваться ими?»

Юліанъ продолжалъ итти по пути притѣсеній христіанъ... Онъ имъ запретилъ занимать общественныя должности, лишилъ духовенство всякихъ льготъ; христіанскіе храмы обращались въ языческіе, а то и совсѣмъ разрушались... Желая усилить язычество, Юліанъ старался склонить къ принятію его христіанъ, и особенно выдающихся; но только трусливые и продажные люди, которыхъ, къ счастью, среди тогдашнихъ христіанъ было немного, поддались императорскимъ обѣщаніямъ и ласкамъ. Рѣшительный отпоръ былъ отвѣтомъ христіанскаго общества Юліану, который старался склонить въ язычество и Кесарія, занимавшаго должность придворнаго врача. Но Кесарій отказался, и вскорѣ послѣ этого совсѣмъ оставилъ дворецъ, вернувшись къ родителямъ.

VI.

27-го іюня 363 года, во время персидскаго похода, Юліанъ былъ убитъ вражеской стрѣлой. Умирая, онъ воскликнулъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ (т.-е. Христосъ)!» Въ смерти императора-отступника ясно исполнилось пророчество: «кто упадетъ на этотъ камень—разобьется, но на кого онъ упадетъ—того сотретъ онъ во прахъ».

Григорій Богословъ написалъ противъ Юліана двѣ книги, въ которыхъ съ необычайнымъ оживленіемъ, во всей полнотѣ нарисовалъ картину хитрыхъ дѣйствій императора, изобразивъ его характеръ и разъяснивъ всю жестокость системы его борьбы противъ христіанства. Радуюсь тому, что Церковь освободилась отъ лютаго врага, Григорій скорбѣлъ за душу гонителя и, обращаясь къ христіанамъ, убѣждалъ ихъ не воздавать зломъ за зло по-

раженнымъ язычникамъ. Онъ говорилъ между прочимъ: «Я знаю, что мое слово для многихъ будетъ непріятно. Ибо человѣкъ, получившій возможность отомстить, не любитъ повиноваться слову прощенія, — слову, которое обуздываетъ раздражительность. Но не допустимъ излишества, не будемъ жестокосерды къ тѣмъ, которые насъ обижали, не будемъ дѣлать того, что сами осуждали. Простимъ во всемъ, и чрезъ это сдѣлаемся выше нашихъ обидчиковъ. Покажемъ, чему учатъ демоны и чему научаетъ Христосъ. Побѣдимъ мучителей правдолюбиемъ и въ прощеніи покажемъ человѣколюбіе. Собственнымъ примѣромъ своимъ сдѣлаемъ ихъ кроткими».

Послѣ смерти Юліана на престолъ вступилъ Іовіанъ, кроткій сердцемъ и добрый христіанинъ. Но царствованіе его продолжалось недолго—всего нѣсколько мѣсяцевъ. Его преемникъ Валентъ явился поборникомъ аріанской ереси. Начались снова тяжелыя времена для православной Церкви. Но, какъ и Юліану-язычнику, Валенту-аріанину православные оказывали дружный отпоръ. Василій Великій,—сначала священникъ, потомъ уже епископъ,—явился во всемъ блескѣ христіанскаго пастыря, не боящагося положить душу за паству... Его безтрепетныя отвѣты правителю, а затѣмъ и самому Валенту произвели сильное впечатлѣніе на аріанъ и самого императора. Валентъ оставилъ въ покоѣ Василія и, проникнувшись къ нему уваженіемъ, даже оказалъ помощь благотворительнымъ учрежденіямъ, созданнымъ епископомъ кесарійскимъ *). Еще до посѣщенія Кесаріи, Валентъ былъ въ Назіанзѣ, гдѣ встрѣтился съ непоколебимой твердостью обонхъ Григоріевъ: пресвитера и епископа.

Когда Валентъ изъ Назіанза отправился въ Кесарію, окруженный пышною свитою, Григорій Богословъ послѣдовалъ къ другу Василю, чтобы помочь ему въ борьбѣ съ

---

*) Подробности см. въ очеркѣ моемъ: „Василій Великій“.

императоромъ-аріаниномъ. Григорію пришлось быть свидѣтелемъ величавой твердости друга, который боялся не гибва царя земного, а осужденія Царя Небеснаго. Радуюсь торжеству православія и стойкости Василя, Григорій Богословъ, по отбытіи Валента изъ Кесаріи, возвратился въ Назіанзь.

Глава вторая.

I.

По приказу Валента, Каппадокійская область была раздѣлена на двѣ части. Гражданское раздѣленіе повлекло за собою и раздѣленіе церковное. Епископъ Тіаны, ставшей главнымъ городомъ новой области, задумалъ отдѣлиться отъ Василя Великаго и образовать особую самостоятельную митрополию. Въ борьбѣ съ Анѳимомъ, епископомъ тіанскимъ, Василю понадобился надежный союзникъ — и выборъ палъ на Григорія, какъ на человѣка самаго подходящаго для этой цѣли *).

Григорій отказался отъ избранія. Но на сторону Василя сталъ отецъ Григорія, и тогда этотъ послѣдній, «какъ послушный сынъ, никогда не выходившій изъ воли отца, далъ свое согласіе на посвященіе». Это произошло въ половинѣ 372 года. Назначенный епископомъ сосимскимъ, Григорій, однако, не былъ имъ на дѣлѣ, потому что Анѳимъ проявилъ враждебное настроеніе и грозилъ встрѣтить Григорія оружіемъ. Противъ грубой силы у новаго епископа не было и не могло быть отпора; не въ характерѣ Григорія было отвѣчать на насиліе тѣмъ же, и онъ остался въ родномъ городѣ. «Въ скоромъ времени сюда прибылъ Анѳимъ, желавшій вывѣдать относительно Сосимъ, которые находились какъ разъ на границѣ двухъ

*) См. очеркъ мой: „Василій Великій“.

областей. Григорій не согласился признать Анеима своимъ архіепископомъ, защищалъ Василя, и Анеимъ уѣхалъ изъ Назіанза недовольный. Но скоро состоялось примиреніе между имъ и Василемъ, который ради блага Церкви былъ готовъ на возможныя уступки, почему и отдалъ Анеиму Сосимы.

Григорій не поѣхалъ въ Сосимы, а остался въ Назіанзѣ помогать въ управленіи отцу, который былъ уже очень старъ и часто хворалъ. Григорій сдѣлался какъ бы викарнымъ епископомъ назіанзскимъ. Онъ проявилъ при этомъ большое усердіе и отеческую заботливость,—утѣшая страждущихъ и защищая виновныхъ съ цѣлью склонить власти къ милосердію.

«Жители Назіанза, по случаю дороговизны хлѣба и принудительнаго сбора податей, особенно обременительныхъ въ тяжелое время, возмутились и подняли мятежъ. Участникамъ возмущенія, конечно, угрожали суровыя наказанія». Жители обратились къ Григорію, прося его ходатайства передъ правительственнымъ чиновникомъ, прибывшимъ для суда надъ виновными. Викарій не отказалъ въ просьбѣ. И чтобы сильнѣе подѣйствовать на чиновника, «Григорій избралъ мѣстомъ своего ходатайства церковную каѳедру». Во время литургіи Григорій обратился со словомъ къ правительственному чиновнику. «Я знаю,—произнесъ Григорій,—что ты выслушаешь мое дерзновенное слово, потому что и ты священная овца священнаго стада и, подобно намъ, просвѣщенъ свѣтомъ Святыя блаженныя Троицы. Слово мое къ тебѣ будетъ кратко. Ты со Христомъ начальствуешь, со Христомъ и правительствуешь. Онъ далъ тебѣ мечъ не дѣйствовать, но угрожать. Покажи чловѣколюбіе, присоедини къ страху кротость, раствори угрозу надеждою. Дай взаймы Богу милосердія. Никто не раскаявался изъ принесшихъ что-либо Богу. Онъ щедръ на воздаяніе... Всякому лучше оказывать милость здѣсь, нежели давать отчетъ тамъ.

Дерзну ли на большее? Дерзновеннымъ дѣлаетъ меня скорбь. Представляю тебѣ Христа и Христово истощаніе за насъ, и крестъ и гвозди, которыми я разрѣшенъ отъ грѣха, и кровь, и погребеніе, и воскресеніе, и вознесеніе, и сію трапезу, къ которой мы все приступаемъ... Ежели не за одно которое либо изъ сихъ, то хотя за все окажи милость и намъ и себѣ. Побѣди насъ челоуѣколюбіемъ. Уважь мою вѣру, какую я къ тебѣ имѣлъ, и которою другихъ увѣрилъ, дабы также уважили ее въ большемъ и совершеннѣйшемъ. Скажу короче: ты самъ имѣешь Господа на небѣ, Который да будетъ такимъ же Судіею для тебя, какимъ будешь ты для подвластныхъ».

Проповѣдь Григорія принесла благіе результаты: мятежники получили полное прощеніе.

II.

Между тѣмъ Григорія ждали печали въ личной жизни: ему пришлось перенести тяжелыя потери.

Прежде всего онъ лишился любимаго брата Кесарія, который, оставивъ придворную службу, вернулся домой и здѣсь велъ уединенную жизнь. Умирая, онъ завѣщалъ все свое имущество бѣднымъ. «Кесарій былъ похороненъ близъ могилъ мучениковъ, и Нонна провожала его прахъ не въ траурной одеждѣ, а въ бѣломъ праздничномъ платьѣ, какъ знавшая, что для христіанина смерть — не проклятіе, а вѣнецъ. Григорій сказалъ надъ гробомъ брата слово, являющееся образцомъ возвышенныхъ погребальныхъ произношеній».

Вскорѣ послѣ Кесарія умерла сестра Григорія, Горгонія, бывшая примѣрной матерью и женою и преданною христіанкою. «Высшею ея цѣлью было воспитывать дѣтей для Бога».

Отцу Григорія было уже около ста лѣтъ. Недуги одолевали его, но онъ продолжалъ служить по мѣрѣ силъ,

не ослабляясь въ молитвѣ. Весной 374 года онъ опасно заболѣлъ, и ему уже не пришлось поправиться. Онъ умеръ, стоя на молитвѣ колѣнопреклоненнымъ. Страшной скорбью отозвалась смерть отца въ сердцѣ Григорія Богослова, недавно потерявшаго брата и сестру. Понимая горе своего друга и желая почитать его усопшаго отца, Василиій немедленно прибылъ въ Назіанзъ. Василиій старался утѣшить Григорія, хотя и самъ былъ не мало огорченъ смертью того, кого онъ любилъ, уважалъ и почиталъ, какъ своего духовнаго отца, помня все то, что сдѣлалъ для него почившій. Григорій Богословъ сказалъ надъ гробомъ отца слово, въ которомъ очертилъ усопшаго со всѣхъ сторонъ, не забывъ дѣлъ общественныхъ и обстоятельствъ частной жизни, въ которыхъ проявлялся возвышенный характеръ, сказавъ чистоту сердца, столѣтняго епископа, до послѣдняго часа служившаго Богу и заботившагося о паствѣ...

И только-что успѣлъ Григорій оплакать своего отца, какъ новое горе поразило его мягкое любящее сердце: скончалась Нонна, пережившая мужа только всего на нѣсколько мѣсяцевъ. Она отправилась въ церковь, въ которой служили ей мужъ и сынъ, и, преклоняясь, вдругъ почувствовала приближеніе смерти. «Господи, Христе, помилуй мя», произнесла она, и скончалась.

Григорій Богословъ былъ сильно удрученъ, и эти правдивныя страданія отозвались на его здоровьи. Онъ опасно заболѣлъ, слегъ и былъ на краю могилы. Проѣзжавшій въ это время чрезъ Назіанзъ еп. самосатскій Евсевій посѣтилъ Григорія, лежавшаго на одрѣ болѣзни, и простился съ нимъ, съ чувствомъ глубокой скорби, предполагая, что уже дастъ ему послѣднее цѣлованіе. Но Григорій Богословъ выздоровѣлъ. Не насталъ еще срокъ для его успокоенія, еще не все совершилъ онъ изъ назначеннаго ему Высшею Волею.

Чувствуя себя слабымъ и разбитымъ, Григорій оста-

вилъ Назіанзъ и скрылся въ одномъ изъ монастырей отдаленной Селевкии Исаврійской. Но и здѣсь онъ не могъ оставаться бездѣятельнымъ, забыть о тѣхъ, кто нуждался въ заботахъ, не могъ равнодушно относиться къ состоянію Церкви. Онъ ободрялъ тѣхъ, которые шли въ изгнаніе, страдали за вѣру, боролся противъ ересей. Въ этомъ уединеніи еще разъ его сердце было поражено тягостной скорбью при полученіи извѣстія о смерти Василія Великаго. Григорій былъ еще настолько слабъ что не могъ отправиться на погребеніе друга. Усталый и удрученный, онъ продолжалъ жить въ мирѣ и въ покоѣ въ своемъ уединеніи, мечтая такъ и кончить свои дни... Но ему назначено было покинуть уединеніе и еще разъ вступить въ открытую и твердую борьбу съ врагами Церкви Христовой, явиться защитникомъ православія въ высококомъ санѣ константинопольскаго патріарха.

III.

Вслѣдствіе торжества аріанъ, православіе въ Константинополѣ было ослаблено, и православные подвергались гоненіямъ. Церкви перешли въ руки аріанъ, православные епископы находились въ ссылкѣ; число православныхъ настолько уменьшилось, что они представляли собою только малочисленную группу. «Но, говоритъ Григорій Богословъ, хотя они составляли народъ малочисленный, но были многочисленнымъ предъ Богомъ, который пріемлетъ въ счетъ не множество, но сердца; это были души совершенныя по вѣрѣ, драгоценный остатокъ».

Со смертію Валента и затѣмъ съ вступленія на престолъ Θεодосія—приверженца православія, надежды вѣрныхъ ожили. «Но чтобы малое число православныхъ, сохранившихся еще въ Константинополѣ, послѣ 40-лѣтняго господства аріанъ, могло имѣть какой-либо успѣхъ, ему нуженъ былъ вождь—сильный словомъ, мужественный и

неустранимый въ борьбѣ съ врагами, полный самоотверженія, готовый для блага своей паствы жертвовать собственнымъ спокойствіемъ и всѣми выгодами жизни».

Такимъ былъ именно Григорій Богословъ, жившій въ селевкійскомъ уединеніи.

Къ Григорію и обратились константинопольскіе христіане, просившіе зацѣпить ученіе о «Святой Троицѣ».

Онъ зналъ, что «нужды и скорби» ожидаютъ его въ шумной и развращенной столицѣ, но могъ ли отказать онъ, когда его призывали къ столь великому служенію? Онъ видѣлъ въ этомъ волю самого божественнаго Промысла. И онъ послѣдовалъ въ Константинополь, опасаясь, «чтобы предполагавшійся въ Константинополѣ соборъ еретическихъ епископовъ не успѣлъ овладѣть сердцемъ и волею императора Θεодосія чрезъ разныхъ придворныхъ вельможъ, между которыми много находилось такихъ лицъ, которые враждебно относились къ православію».

IV.

Григорій прибылъ въ Константинополь въ январѣ 379 г. и поселился въ домѣ племянницы, дочери Горгоніи. Жители столицы, привыкшіе къ роскоши, были изумлены при видѣ Григорія. Предъ ними стоялъ человекъ «въ простой бѣдной одеждѣ, съ нѣсколько сгорбленнымъ станомъ, съ головою почти совсѣмъ лишенною волосъ, съ некрасивымъ складомъ лица, изнуреннаго слезами, постомъ и бдѣніемъ, съ руками, загрубѣвшими отъ черныхъ работъ, съ грубымъ каппадокійскимъ произношеніемъ».

Но съ первыхъ же проповѣдей они убѣдились, что это — «человекъ, обладающій рѣдкими дарованіями ума, глубокимъ и основательнымъ знаніемъ св. Писанія и отеческихъ твореній, изумительнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній». Такъ какъ у православныхъ не было своего храма, то они стали собираться въ домѣ, гдѣ жилъ

Григорій Богословъ. Скоро число слушателей настолько увеличилось, что Григорій обратилъ домъ въ церковь и назвалъ ее Анастасіею, т. е. воскресеніемъ. Прежде всего Григорій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы устроить дѣла православныхъ, которые долгое время оставались безъ руководителя. Въ то время было въ обычаѣ вести споры о вѣрѣ. Спорили всѣ, даже тѣ, которые ничего не понимали въ этомъ дѣлѣ. Но занятые бесплодными спорами о вѣрѣ, христіане совсѣмъ не старались жить по вѣрѣ. И Григорій началъ внушать, что важнѣе всего жизнь по евангелію, исполненіе заповѣдей Христовыхъ, а не пренія о вѣрѣ. Конечно, это касалось тѣхъ, которые не могли ничего приобрести отъ споровъ, благодаря своему невѣжеству. Борьбы же съ ересями Григорій не отрицалъ, но для подобной борьбы нужна подготовка, нужно знаніе дѣла. Самъ Григорій ревностно защищалъ православіе, поражая еретическое ученіе своимъ огненнымъ словомъ. Еретики всевозможныхъ толковъ ненавидѣли Григорія и преслѣдовали его. Они презрительно смотрѣли на старца, смѣялись надъ его малочисленною церковью. Но это не все. «Ненависть враговъ православія простиралась даже до посягательства на жизнь Григорія: они то врывались въ его малую церковь, вооруженные палками и камнями, то владчили его предъ судилище, какъ возмутителя народнаго спокойствія, то бросали въ него камнями, когда онъ шелъ по улицѣ». Нужна была Григоріева кротость и твердость, чтобы не смущаться и все прощать. Онъ радовался о своемъ маломъ стадѣ, которое на своей сторонѣ имѣло Бога и ангеловъ, чистое ученіе и неукоризненность поступковъ относительно ожесточенныхъ враговъ, причинившихъ ему столько зла». Самое посягательство на его жизнь утѣшало его тѣмъ, что онъ подвергался опасностямъ за истину и терпѣлъ подобно Стефану, побитому камнями,— этому мужественному защитнику Церкви Христовой.

У.

Старанія Григорія не оставались тщетными. Дѣла церкви унорядочились, нравы паствы улучшались. Онъ дѣйствовалъ и словомъ и примѣромъ, т.-е. проповѣдями и собственной жизнью. Онъ избѣгалъ пышности, обильныхъ яствъ, роскошныхъ одѣяній и недоступности. По его собственнымъ словамъ, у него не было желанія соперничать виѣшнимъ блескомъ и роскошью съ полководцами и государственными вельможами; онъ не хотѣлъ осквернять алтаря избыткомъ хлѣба или растрчивать на себя суммы, по праву принадлежащія бѣднымъ, или развѣзжать по улицамъ на прекрасныхъ лошадяхъ и окружать себя толпами льстецовъ. Если—прибавляетъ св. Григорій—имъ (константинопольцамъ) нуженъ такой именно іерархъ, то пусть они изберутъ кого-либо другою и оставятъ ему его уединеніе, его Бога.

Но не всѣ смотрѣли на великаго подвижника съ ложной точки зрѣнія. Къ нему присоединился Евагрій понтійскій, ставшій его архидіакономъ, къ нему прибылъ Іеронимъ, уже самъ пользовавшійся славой, какъ ученый и ораторъ, прибылъ для того, «чтобы посидѣть у ногъ св. Григорія, послушать его». Поняли и оцѣнили своего учителя и православные, желавшіе видѣть Григорія на константинопольской кафедрѣ. Но тутъ произошелъ прискорбный случай, который я расскажу словами архимандрита Порфирія. «Въ числѣ приближенныхъ Григорія былъ одинъ негодный человекъ—изъ самыхъ хитрыхъ честолюбцевъ. Онъ жилъ съ Григоріемъ подъ одной кровлей, вкушалъ съ нимъ пищу за одной трапезой, раздѣлялъ его мнѣнія и предположенія, и хотя изгнанъ былъ изъ своего отечества за позорныя дѣла, но увѣрялъ, что терпѣлъ все ради Бога. Мягкосердечный Григорій, обманутый видомъ строгаго благочестія, почтилъ этого ловкаго человека даже похвальнымъ словомъ и отдавалъ ему первенство въ по-

честяхъ. Между тѣмъ этотъ человѣкъ нашелъ себѣ приверженцевъ въ константинопольскомъ клирѣ, подкупилъ нѣкоторыхъ епископовъ, и послѣдніе рѣшили тайно посвятить его въ епископа на кафедрѣ константинопольскую, не спросивъ на то ни у кого никакого согласія. Изъ храма, гдѣ было начато посвященіе, толпа нечестивцевъ была изгнана православными, и обрядъ посвященія былъ оконченъ въ домѣ какого-то свирѣльщика. Истинно православные люди скорбѣли по поводу этого происшествія, но нашлись и такіе, которые обвиняли Григорія за его непредусмотрительность и сдѣлали заключеніе, что онъ не можетъ отличать людей хорошихъ отъ порочныхъ. Аріане же, воспользовавшись этимъ случаемъ, начали утверждать, что происшедшее раздѣленіе есть уничтоженіе самого ученія. Григорій былъ потрясенъ всѣмъ этимъ и рѣшилъ вернуться въ свое уединеніе. Друзья Григорія замѣтили перемѣну его душевнаго состоянія и стали догадываться объ его предположеніяхъ. Чтобы воспрепятствовать осуществленію ихъ, друзья составили около Григорія непримѣтную стражу, которая охраняла всѣ его движенія, выходы изъ дома и возвращенія. Они имѣли основаніе для всего этого. Въ одной изъ бесѣдъ Григорій произнесъ слѣд.: — «Возлюбленные дѣти мои! соблюдайте въ цѣлости мною вамъ преподанное ученіе о св. Троицѣ, не забывайте трудовъ моихъ!» Всѣ поняли намекъ архипастыря, и храмъ огласился рыданіями. И среди этихъ рыданій раздался чей-то возгласъ: «Ты вмѣстѣ съ собою изгонишь изъ Константинополя и ученіе о св. Троицѣ». Григорій былъ тронутъ, пораженъ и измѣнилъ свое рѣшеніе. Но онъ чувствовалъ, что ему нуженъ временный покой отъ столь многихъ перенесенныхъ потрясеній и волненій, и онъ поселился въ уединеніи близъ моря, за городомъ. Уединенная жизнь, окружающая тишина и близость моря много способствовали его душевному умиротворенію. Морской воздухъ укрѣпилъ и его физическія силы.

Послѣ недолгаго пребыванія въ уединеніи, Григорій снова вернулся въ Константинополь и отдался своей прежней дѣятельности съ удвоенной энергіей.

VI.

24 ноября 380 года прибылъ въ Константинополь императоръ Θεодосій, стоявшій за никейскій символъ вѣры. Немедленно по прибытіи, императоръ предложилъ аріанскому епископу Демофилу выборъ: или отречься отъ каѳедры, или принять, какъ догматъ, никейское исповѣданіе вѣры. Демофилъ не согласился на признаніе символа. У аріанъ были отобраны церкви. Григорія императоръ принялъ съ почетомъ, выразилъ ему свое уваженіе и передалъ ему храмъ апостоловъ, сказавъ при этомъ: «этотъ храмъ самъ Богъ передаетъ тебѣ за твои труды». День, въ который должны были православные войти въ храмъ, занимаемый ранѣе аріанами, являлся днемъ опаснымъ, и потому были приняты все мѣры, чтобы не произошло побоище. «Въ торжественной процессіи шель самъ императоръ, а рядомъ съ нимъ Григорій, и они были сопровождаемы чрезъ тѣсныя массы зрителей императорскими войсками. Когда процессія проходила улицами, то она была привѣтствуема криками, угрозами и воплями женщинъ и дѣтей, словно весь городъ брался штурмомъ. Это было 26-го ноября. Утро стояло мрачное, и дулъ съ Чернаго моря леденящій вѣтеръ. Григорій печальный и больной, со взоромъ, обращеннымъ къ небу, шель между войскомъ и императоромъ. Аріане ликовали, видя въ самой природѣ худое предзнаменованіе; но какъ только епископъ и императоръ вошли въ святилище и воздѣли свои руки къ Богу въ молитвѣ,—лучъ яркаго солнечнаго свѣта пробился чрезъ облака, сверкнулъ на оружіи воиновъ и богатою одѣяннн священниковъ и наполнилъ всю церковь славой. Ликующіе православные громко закричали,

чтобы Григорій былъ назначенъ патріархомъ константинопольскимъ. Императоръ согласился съ волей народа, но Григорій, слишкомъ подавленный волненіемъ, чрезъ одного изъ духовенства обратился съ просьбою къ народу прекратить крики и отложить вопросъ о патріаршествѣ до будущаго случая, а теперь слиться всеѣмъ въ молитвѣ и благодареніи».

Григорій не отказывался отъ патріаршей кафедры, но хотѣлъ быть избраннѣмъ соборомъ епископовъ, т.-е. на основаніи строго каноническомъ. Этотъ поступокъ Григорія былъ оцѣненъ всеѣмъ православными, и самъ императоръ почувствовалъ къ нему еще большее уваженіе.

Изобличая аріанъ (у которыхъ были отняты всеѣ церкви) въ заблужденіяхъ, Григорій лично относился къ аріанамъ съ кротостію и старался удержать Θεодосія отъ суроваго преслѣдованія ихъ. Но это не смягчило аріанъ; нѣкоторые изъ изувѣровъ рѣшили даже убить Григорія.

«Такъ, однажды, — рассказываетъ самъ Григорій Богословъ, — я оставался дома по болѣзни. Я лежалъ на постели; вдругъ входятъ ко мнѣ нѣсколько простолюдиновъ и съ ними молодой человекъ — блѣдный, съ всклокоченными волосами, въ черной одеждѣ. Я свѣсилъ немного ноги съ моего одра, испугавшись какъ бы такого явленія. Прочіе, наговоривъ, какъ умѣли благодареній, ушли, а молодой человекъ припалъ вдругъ къ моимъ ногамъ и оставался у нихъ безмолвнымъ и неподвижнымъ. Я спросилъ: кто онъ? откуда? въ чемъ его нужда? Но не было другого отвѣта, кромѣ усиленныхъ восклицаній. Онъ плакалъ, рыдалъ, ломалъ себѣ руки. И у меня полились слезы. Когда же оттащили его насильно, потому что не внималъ словамъ, одинъ изъ бывшихъ при этомъ сказалъ мнѣ: Это убійца твой; если видишь еще Божій свѣтъ, то потому, что ты подъ Божьимъ покровомъ. Добровольно приходитъ къ тебѣ этотъ мучитель своей совѣсти, неблагомысленный убійца, и приноситъ слезы въ цѣну за кровь. Такъ говорилъ онъ.

Меня тронули слова эти, и я сказала несчастному: «да спасет тебя Богъ! А мигъ, спасенному, не важно уже показать себя милостивымъ къ убійцѣ...»

VII.

Желая возстановить миръ въ Церкви и утвердить истину православнаго ученія, императоръ Θεодосій созвалъ въ 381 году собраніе изъ восточныхъ епископовъ, которое извѣстно подъ именемъ 2-го вселенскаго собора. На этомъ соборѣ, между прочимъ, присутствовали Мелетій, еп. антиохійскій, Григорій нисскій, Діодоръ торсійскій и Кириллъ іерусалимскій. Григорій Богословъ, управлявшій константинопольскою кафедрой, до сихъ поръ еще не былъ, однако, утвержденъ канонически. И однимъ изъ первыхъ постановленій собора было утвержденіе Григорія въ санѣ константинопольскаго архіепископа, по желанію императора, народа и большинства духовенства. Григорій согласился на утвержденіе, желая свою власть употребить на благо Церкви, устранивъ разногласія и посявъ миръ.

Незадолго до своего утвержденія, уже предугадывая его, Григорій произнесъ слово, въ которомъ выяснилъ свое отношеніе къ избранію. Онъ не стремился къ занятію кафедры Константинопольской. Онъ явился въ столицу съ одной цѣлью—поддержать истину и способствовать укрѣпленію вѣры въ христіанахъ. Онъ говорилъ объ обязанностяхъ царя и всѣхъ власть имущихъ и съ достоинствомъ заявилъ, что онъ никогда не заботился о томъ, чтобы удостоиться чести обѣдать за столомъ смертнаго царя, получать рукопожатія отъ запятанныхъ кровью рукъ, принимать участіе въ блистательныхъ и шумныхъ собраніяхъ. Онъ стремился къ одному—къ мирной жизни и къ научнымъ занятіямъ, пользуясь духовной свободой.

Прибытіе на соборъ египетскихъ и македонскихъ епископовъ внесло раздоръ въ среду духовенства. Вражда

начала ковать ковы противъ праведника, который всегда ставилъ на первомъ планѣ интересы вѣры и Церкви. Враги начали утверждать, что избраніе Григорія незаконно. Не желая породить смуть и вредить Церкви раздорами, онъ изъявилъ желаніе оставить кафедру. Явившись на собраніе, онъ сказалъ: «Я охотно слѣдую примѣру Іоны, и для спасенія нашего корабля (т.-е. Церкви) готовъ жертвовать собою, хотя и не могу признать себя виновникомъ бури. Возьмите меня и ввергните въ море; какой-нибудь страннолюбивый китъ приметъ меня изъ глубины морской. Противъ воли занялъ я престолъ сей, и теперь охотно оставляю его. Простите и не забывайте трудовъ моихъ».

Враги Григорія сумѣли склонить на свою сторону многихъ изъ прежнихъ сторонниковъ архієпископа, и соборъ принялъ отреченіе Григорія. Но императоръ, понимавшій значеніе Григорія и любившій его, съ глубокою скорбью выслушалъ просьбу архипастыря и не сразу изъявилъ свое согласіе.

Константинопольская паства была поражена рѣшеніемъ Григорія. Истиннымъ сынамъ Церкви было горько видѣть торжество враговъ Григорія; многіе епископы оставили соборъ, народъ проливалъ слезы. Чтобы утишить раздоръ и утѣшить паству, Григорій Богословъ произнесъ свою прощальную рѣчь.

Въ этой рѣчи Григорій показалъ, въ какомъ разстроенномъ состояніи онъ засталъ константинопольскую паству и очертилъ то цвѣтущее состояніе, въ какомъ она находилась теперь, и затѣмъ произнесъ со свойственной ему силой и искренностью: «Таково оправданіе моего здѣсь пребыванія. Если оно заслуживаетъ похвалу—благодареніе Богу и вамъ, призвавшимъ меня. Если не соответствуетъ надеждамъ—и то благодареніе, ибо очень знаю, что оно не вовсе укоризненно. Покорывался ли я чѣмъ-нибудь? Приумножилъ ли свою собственность?»

Огорчили ли чѣмъ Церковь? Я соблюлъ священство чистымъ и несквернымъ».

Указавъ на свои труды, сославшись на свое нездоровье, повторивъ еще разъ сущность своего ученія, онъ въ заключеніе рѣчи просилъ отпустить его съ молитвами, а на его мѣсто избрать такого, который возбуждалъ бы зависть, а не сожалѣніе, у котораго руки были бы чисты, а слово разумно.

Вскорѣ Григорій удалился изъ Константинополя, но вновь избранный епископъ не былъ достойнымъ преемникомъ великаго святителя. Человѣкъ знатнаго происхожденія, онъ былъ почти совсѣмъ незнакомъ съ догматами вѣры, не обладалъ знаніемъ св. Писанія, не отличался ревностью о Церкви, которая нуждалась именно въ мужъ благочестивомъ, опытномъ, способномъ разрушить злые умыслы враговъ православія.

Второй вселенскій соборъ закончилъ свои занятія ужъ безъ Григорія. На этомъ соборѣ вновь были осуждены всѣ ереси, въ томъ числѣ и аріанство, никейскій символъ вѣры подтвержденъ и дополненъ слѣд. изъясненіями: «Вѣруемъ и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже съ Отцомъ и Сыномъ споклопяема и славима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную, Апостольскую Церковь. Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка».

Глава третья.

I.

Желая покоя и уединенія, Григорій радовался тому, что могъ оставить столицу и удалиться отъ суеты. «Благодареніе болѣзни и навѣтамъ враговъ, которые сдѣлали меня свободнымъ, поставили внѣ содомскаго огня. Я

уже не сотрапезникъ земного царя, какъ прежде, не буду потупленный и безмолвный возлежать среди пирующихъ, съ трудомъ переводя дыханіе...»

Такъ писалъ св. Григорій, но онъ не могъ забыть воздвигнутаго имъ храма Анастасіа, въ которомъ училъ народъ истинамъ православія. И онъ восклицалъ, полный скорби: «если когда-нибудь сердце мое забудетъ тебя, о, Анастасія, или языкъ мой произнесетъ что-либо прежде твоего имени, то да забудетъ меня Христосъ!»

Покинувъ столицу, онъ посѣтилъ Кесарію, чтобы воздать честь своему другу; здѣсь Григорій произнесъ надъ гробомъ Василія Великаго свое замѣчательное похвальное слово, которое такъ ярко характеризуетъ личность и дѣятельность знаменитаго архипастыря и сообщаетъ столь много важнаго изъ его жизни. Изъ Кесаріи Григорій направился на родину, гдѣ Церковь оставалась безъ пастыря и была раздираема смутами. «Это былъ корабль безъ кормчаго среди разъяреннаго моря». Слабое здоровье мѣшало Григорію взять на свои плечи тяжелое бремя—управленія епархіей, охваченной волненіями, и онъ не согласился занять пазіанзскую кафедру, но употребилъ все свое вліяніе, чтобы былъ избранъ на нее достойный пастырь, каковымъ онъ считалъ пресвитера Евлалія, отличавшагося строгою жизнью и знаніемъ св. Писанія... Когда Евлалій былъ возведенъ на кафедру Пазіанза, Григорій успокоился и предался вполне уединенной жизни, слѣдя за борьбою, но уже не принимая въ ней участія. Онъ отказался отъ приглашенія на новый соборъ, хотя и не переставалъ подавать совѣты изъ своего отдаленнаго Аріанза, гдѣ у него былъ маленькій домикъ и садъ съ приятною тѣнью. «Только одна любовь побуждала его иногда входить въ сношеніе съ людьми, чтобы помочь страдальцамъ, защитить притѣсняемыхъ, утѣшить скорбящихъ, обличить забывающихъ свой долгъ. Онъ велъ жизнь вполне подвижническую. Обитая среди утесовъ, онъ хо-

диль босою, имѣя только одну полуразодранную одежду, спалъ или на голой землѣ, или на ложѣ изъ древесныхъ вѣтвей, прикрываясь рубищемъ, не зажигая огня, чтобы согрѣть тѣло; пищу его составляли хлѣбъ съ солью и огородныя овощи; питье—вода, въ которую иногда примѣшивалъ немного уксуса. «Ежели, —восклицалъ Григорій, — тебѣ, мое тѣло, недостаточно сего, и ты желаешь удовольствій и роскошныхъ яствъ, то ищи другого, кто бы далъ тебѣ сіе, а мнѣ некогда отогрѣвать домашняго врага, какъ змѣю въ своемъ нѣдрѣ».

Не легка была такая жизнь, особенно при полномъ одиночествѣ. Никого не было вокругъ него изъ ближнихъ, некому было позаботиться о немъ, и онъ не зналъ, кто закроетъ ему глаза въ минуту смерти... Тоска касалась сердца Григорія, и скорбь овладѣла имъ. И тогда молитва и писаніе стиховъ приносили ему истинное утѣшеніе, наслажденіе и ободреніе.

II.

Стихи писалъ не только Григорій Богословъ, многіе св. отцы Церкви свои досуги посвящали поэзій; къ духовнымъ поэтамъ принадлежатъ Ефремъ Сиринъ, Амвросій медиоланскій, Павлинъ поланскій, св. Дамаскинъ и др. Григорій Богословъ довольно опредѣленно высказывается о значеніи поэзій. Онъ сильно порицаетъ суетное и пустое краснорѣчіе и цѣнитъ краснорѣчіе, въ которомъ языкъ и мысль не отстаютъ другъ отъ друга. Онъ отмѣчаетъ поэтовъ, какъ лицъ, которые живо и сильно проникаются предметами и явленіями, и могутъ породить такое же проникновенное чувство въ другихъ. Онъ писалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, касаясь поэзій: «Я избралъ путь слова, думаю, хорошій; я рѣшился свои умственные труды передавать въ стихахъ не для того, чтобы приобрѣсти тщетную славу, и не потому, чтобы

я стихосложеніе предпочиталъ священнымъ трудамъ! Я хотѣлъ, трудясь для другихъ, связать такимъ образомъ свою грѣховность, и при самомъ писаніи, писать не много, выработывая стихъ. Я хотѣлъ для тѣхъ, которые всего болѣе любятъ словесное искусство, предложить пріятное врачество, дать привлекательность убѣжденіямъ къ полезному, горечь заповѣдей подсластить искусствомъ. Иногда звуки струны имѣють цѣлебную силу, если ты хочешь исцѣленія. Если угодно, пусть стихи будутъ вмѣсто пѣнія и лиры; я далъ ихъ на забаву, если кто желаетъ забавляться. Въ стихахъ я находилъ утѣшеніе въ болѣзни, какъ престарѣлый лебедь, пересказывая самъ себѣ вѣщанія сверкающихъ крыльевъ, — не плачевную, но исходную пѣснь. Да будетъ извѣстно, что и въ св. Писаніи многое изложено стихами. Въ этомъ убѣждаетъ и Саулъ, освобожденный отъ злого духа звуками лиры Давида...»

За исключеніемъ немногихъ, почти всѣ стихотворенія Григорія Богослова относятся къ лирической поэзіи. Главное требованіе, которое можно предъявить къ лирическому поэту, заключается въ томъ, что мы хотимъ не только личного, но и общаго, т.-е. чтобы поэтъ, говоря о себѣ, говорилъ о томъ, что принадлежитъ вообще человѣческой природѣ, а не исключительно его личности. «Онъ долженъ стараться не о томъ, чтобы занимались только имъ лично, но поставить читателя на одну съ собою точку, съ которой всякій могъ бы видѣть все истинное и прекрасное». Разумѣется, поэтъ знакомитъ въ своихъ стихахъ и съ собою, насколько это интересно и нужно. «Такимъ именно и представляется содержаніе стиховъ Григорія. Они заключаютъ въ себѣ совершенный образецъ того, какія мысли по преимуществу должны занимать христіанскій умъ въ настоящей жизни и какъ побѣдоносно выходить изъ борьбы съ душевными помыслами и соблазнами. Обращая взглядъ на самого себя, поэтъ-

богословъ открываетъ много тайнаго для своего ума, замѣчаетъ борьбу въ своихъ желаніяхъ, говоритъ о томъ, какъ стѣняется тѣлесною чувственностью высокій полетъ духа, какъ много соблазнъ угрожаетъ спасенію души. На основаніи всего этого онъ земную жизнь признаетъ тяжелою, но мирится съ нею потому, что помнить и живо представлять себѣ божественное промысленіе о судьбѣ всякаго человѣка, а также и потому, что одушевляется ожиданіемъ небесныхъ радостей, блаженнаго общенія съ Пресвятой Троицей, слава которой посвящена вся его жизнь».

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Григорія носятъ на себѣ сатирической характеръ. Поэтъ то мягко, съ любовью, но ярко разоблачаетъ смѣшную сторону поступковъ людскихъ, какъ на примѣръ пристрастіе къ нарядамъ, то съ негодованіемъ, жестко, язвительно бичуетъ тѣхъ, которые презираютъ святыню и нарушаютъ права ближнихъ. Здѣсь источникомъ праведнаго гнѣва является сильная ревность о Богѣ, о Церкви, та страстная любовь къ ней и ко Христу, которая оскорбляется всякою «ложью и мерзостью», и не выноситъ поруганія святыни.

Такъ, въ поэмѣ противъ константинопольскихъ священниковъ и города Григорій восклицаетъ: «О вы, священники, которые приносите безкровныя жертвы и боготворите великое единство въ Троицѣ! О законы! О императоры, ликующіе въ благочестіи! О славныя основанія великаго Константина! О юный Римъ, который сталъ выше другихъ городовъ, какъ звѣздное небо выше земли! Какія только бѣдствія ни причинила мнѣ зависть! Печальный раздоръ сдѣлалъ все это! Служители Божіи сдѣлали все это,—служители, которые, о Христочъ, Царь мой, будучи въ плачевномъ раздорѣ между собою, сдѣлались враждебными и мнѣ за то, что я не хотѣлъ ничего полагать выше Христа. Моя вина заключалась въ томъ, что я не принималъ участія въ грѣхахъ другихъ и не позволялъ во-

дять себя, подобно маленькому кораблю, на буксирѣ. Пусть забвеніе сокроетъ эти дѣла! Я буду наслаждаться покоемъ, съ радостію избѣгая дворцовъ, городовъ и священниковъ и всего такого, какъ я стремился къ этому давно».

Для ознакомленія со стихами Григорія,—приведемъ въ прозаическомъ переводѣ три изъ нихъ: «На гнѣвливость», «На любомудрую нищету» и отрывокъ изъ одной поэмы.

На гнѣвливость.

Сержусь на домашняго бѣса, на гнѣвливость, и мнѣ кажется, что этотъ одинъ гнѣвъ справедливъ, если уже надобно потерпѣть что-либо изъ обычнаго людямъ.

Вникнемъ же въ этотъ недугъ нѣсколько глубже: что онъ такое? отчего бываетъ? и какъ отъ него уберечься?

Иные называютъ изступленіе воскипѣніемъ крови около сердца. А иные называли гнѣвливость желаніемъ мщениія, и это желаніе, если устремляется наружу, есть *мѣвъ*, а если остается внутри и строить зло, есть *злопамятство*.

Какъ скоро покажется дымъ того, что разжигаетъ твои мысли, то прежде, нежели возгорится огонь и раздуется пламя, едва почувствуешь въ себѣ движеніе духа, привергнись немедленно къ Богу, и помысливъ, что Онъ—твой покровитель и свидѣтель твоихъ движеній, стыдомъ и страхомъ сдерживай стремительность недуга, пока болѣзнь внимаешь еще увѣщаніямъ. И ты отразишь отъ себя раздражительность, пока владѣешь еще разсудкомъ и мыслями.

Послѣ этого размотри, въ какой стыдъ приводитъ гнѣвъ жестоко поражаемаго имъ. Глаза налиты кровію и искошены, щеки у одного блѣдны, какъ у мертваго, у другого багровы, шея напряжена, жилы напряжены, рѣчь прерывистая и вмѣстѣ скорая, дыханіе, какъ у

бѣснующагося, топотъ ногъ, наклоненія головы, рука, стуча пальцами, грозитъ. И это только начало грозы. Какое же слово изобразить, что бываетъ послѣ этого? Оскорбленія, толчки, неблагоприличія, лживыя клятвы, щедрія изліянія языка. Онъ проситъ себѣ громовъ, бросаетъ молніи, недоволенъ самымъ небомъ за то, что оно неподвижно. Такъ слѣпа и суетна его горячность.

Не такъ страшно для насъ разстройство ума, не такъ страшны тѣлесныя болѣзни. Эти недуги, хотя жестоки, и мучительны, пока продолжаются, но дѣлаютъ насъ несчастными не по собственному нашему изволенію; они болѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ проклятія. Но скажи: какое другое зло хуже преступившей мѣру гнѣвливости? И есть ли отъ этого какое врачевство?

Въ иныхъ болѣзняхъ прекрасное врачевство—мысль о Богѣ. А гнѣвливость, какъ скоро однажды преступила мѣру, прежде всего заграждаетъ двери Богу. Самое воспоминаніе о Богѣ увеличиваетъ зло, потому что разгнѣванный готовъ оскорбить и Бога.

Такими разсужденіями всего болѣе преодолювай свой гнѣвъ; и если ты благоразуменъ, то не потребуешь для себя большаго. А если для умягченія твоего сердца нужна продолжительнѣйшая пѣснь, то посмотри на жизнь тѣхъ, которые и въ древнія и въ послѣднія времена своими добрыми правами приобрѣли дерзновеніе передъ Богомъ. Хвалю Самуила! Ему трудно было однажды перенести обиду, когда Саулъ разодралъ у него ризу, однакоже, умоляемый о прощеніи, немедленно простилъ онъ вину (1 Цар. 15, 27—31). Что же сказать о томъ, какъ Давидъ терпѣлъ отцеубійцу—сына, незаконно домогавшагося власти? Онъ оплакиваетъ его умершаго и взываетъ къ нему со слезами и воплемъ. Не умолчу и о прекрасной добродѣтели Стефана, въ которомъ вижу начатокъ мучениковъ и жертвъ. Онъ былъ забросанъ камнями, но и во время побіенія камнями слышенъ былъ

голосъ его, изрекающій прощеніе убійцамъ, и какъ о благодѣтеляхъ возносившій о нихъ молитву къ Богу (Дѣян. 7, 60). А сколько имѣешь ты высокихъ примѣровъ въ твоёмъ Владыкѣ! Сравни же съ Его страданіями то, что переносишь ты. Хотя бы ты все перенесъ, и тогда не достанетъ еще немногаго, если будешь судить о страданіяхъ, принявъ во вниманіе достоинство страждущаго.

Столько имѣешь врачебныхъ средствъ отъ этого недуга, но всѣхъ важнѣе заповѣдь, которая не позволяетъ тебѣ отвѣчать обидой даже и тому, кто ударилъ тебя. Ветхозавѣтнымъ предписано: *не убій*, но тебѣ повелѣно даже и *не гнѣваться*, а не только не бить и не отваживаться на убійство. Послушай, чего желаетъ кроткимъ Христосъ, когда перечисляетъ блаженства и опредѣляетъ мѣру будущихъ надеждъ (Мѡ. 5, 5). Тебя ударили въ ланиту? Для чего же допускаешь, чтобы другая твоя ланита осталась безъ приобрѣтенія? Съ тебя сняли хитонъ? отдай и другую одежду, если она у тебя есть. Насъ злословятъ? будемъ благословлять злыхъ. Проклинаетъ тебя кто? молись за клянущаго. Такимъ образомъ приобрѣтешь двѣ важныя выгоды: самъ будешь совершеннымъ хранителемъ закона, да и оскорбителя твоего кротость твоя обратитъ къ кротости же, и изъ врага сдѣлаетъ ученикомъ.

Итакъ, видишь ли? Всего болѣе желай, чтобы тебѣ вовсе не гнѣваться, потому что это всего безопаснѣе. А если не такъ, старайся, чтобы изступленіе твое прекращалось прежде вечера, и не давай во гнѣвъ твоёмъ заходить солнцу (Ефес. 4, 26).

Скажешь: что жъ? Не сама ли природа дала намъ гнѣвъ?— Но она дала и силу владѣть гнѣвомъ.

Если въ Писаніи слышишь, что Богъ гнѣвается, то не принимай этого за совѣтъ предаваться страсти. Богъ не терпитъ ничего подобнаго тому, что терплю я. Почему же Онъ такимъ изображается? По законамъ ино-

сказанія, чтобы устрашить умы людей простыхъ. При томъ слышишь, что отъ гнѣва Божія тернятъ злые, а не добрые, и тернятъ по законамъ правосудія. Но твой гнѣвъ не полагаетъ себѣ мѣры и всѣхъ дѣлаетъ равными. Поэтому не говори, что твоя страсть дана тебѣ отъ Бога и свойственна самому Богу.

Такъ угасишь ты въ себѣ эту болѣзнь, утоляя ее предложенными тебѣ разсужденіями. Но вотъ вторая забота: какъ удерживаться, чтобы не воспламенялъ тебя гнѣвъ отъ чужаго гнѣва, какъ огонь отъ огня?

Во-первыхъ, прибѣгни немедленно къ Богу, и проси, чтобы Онъ сокрушилъ разящій тебя градъ, но вмѣстѣ пощадилъ насъ, которые не обижали другихъ.

А въ то же время положи на себя знаменіе креста, котораго все ужасается и трепещетъ, и огражденіемъ котораго пользуюсь я во всякомъ случаѣ и противъ всякаго. Потомъ изготвься къ борьбѣ съ тѣмъ, кто подалъ причину къ этому гнѣву, а не кто предался ему, чтобы тебѣ, хорошо вооружившись, удобнѣе было побѣдить страсть.

Въ-третьихъ, зная, изъ чего ты произошелъ и во что обратишься, не думай о себѣ очень много, чтобы не смущало тебя высокое и по достоинству составленное мнѣніе о себѣ. А ты, какъ будто совершенный, отказываешься терпѣть оскорбленія! Смотри, чтобы не понести тебѣ наказанія за самомнѣніе.

Въ-четвертыхъ, знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто, и всѣ мы не безгрѣшные судія о добрыхъ и худыхъ дѣлахъ, но большею частью и всего чаще носимся туда и сюда, и непрестанно блуждаемъ.

Въ-пятыхъ, будемъ имѣть больше разсудительности. Если нѣтъ ни малой неправды въ томъ, что говоритъ воспламененный и ослѣпленный гнѣвомъ, то слова его нимало насъ не касаются. А если онъ говоритъ правду, то значить, что я самъ нанесъ себѣ какую-нибудь обиду.

Заключение моихъ совѣтовъ тебѣ будетъ слѣдующее. Какое существо по преимуществу кротко? — Богъ. А у кого природа самая раздражительная? — У человѣкоубійцы, который сверхъ другихъ наименованій, выражающихъ его лукавство, называется и гнѣвомъ. Какую же часть намѣрень ты избрать? Что еще сказать? Заключу тебя, гнѣвъ — другъ пороковъ, предающій меня во врата адовы, покорись нынѣ Богу и слову. Покорись, гнѣвливость, — это безобразіе лица, это обуреваніе мыслей, это многословное зло, — покорись, потому что Христосъ, Котораго не вмѣщаетъ вселенная, и Который призывающимъ Его усердно даруетъ разрѣшеніе и отъ лукавыхъ духовъ и отъ страстей, Христосъ хочетъ, чтобы ты немедленно бѣжала отсюда и, войдя въ свиней, скрылась въ бездну.

На любомудрую нищету.

1.

Ты и въ болѣзни весель, роскошествуешь, если только богатъ; чувствуешь, правда, зло, однакоже есть у тебя и врачество отъ болѣзни. А другой бѣденъ, по воздержень. И онъ втрое блаженъ, потому что нѣтъ у него ни зла ни врачества отъ зла. И я богатаго, но раболѣпствующаго страстямъ, тогда развѣ предпочту нищему и мудрому, когда человѣка крѣпкаго силами, но помѣшаннаго въ умѣ, соглашусь предпочесть здоровому уму, хотя и малосильному.

2.

Пусть одинъ, имѣя у себя много врачества противъ страданій, тяжело боленъ, а другой, не имѣя ни одного врачества, весьма здоровъ: котораго изъ нихъ станешь ты ублажать? Очевидно, здороваго. Такъ и человѣка, который имѣетъ нужду въ немногѣ, хотя онъ и очень бѣденъ, предпочти богатому и деньгами и страстями.

Изъ поэмы, въ которой Григорій Богословъ воспѣваетъ скорбность своей жизни, приведу отрывокъ.

«Гдѣ вы, крылатыя рѣчи? Исчезли, какъ волны на морѣ. Гдѣ доблесть юности славной? Съ лѣтами прошла. Гдѣ крѣпость могучаго тѣла? Изношена въ скорби и въ горѣ. Гдѣ ты, богатство? Пропало. Осталась лишь Божія милость. Гдѣ вы, родители, милые сердцу? Гдѣ сестра? Всѣ въ могилѣ—безмолвны. Нѣтъ у меня даже родины... Волны буннують и ходять по ней. И я, едва ступая, брожу, какъ въ неволѣ, безродный, изгнанный, всѣми отвергнутый... Не раздаются около меня веселыя рѣчи и не слышу милаго дѣтскаго лепета. Грустно свершаю остатокъ горестныхъ дней...»

Послѣ этого поэтъ переходитъ къ размышленію о томъ, что станетъ съ его прахомъ, и вдругъ,—какъ бы воспрянувъ отъ унынія, съ упованіемъ на добраго Пастыря-Отца всѣхъ,—восторженно заканчиваетъ поэму: «Ты мой Спаситель, Христось! Ты—моя родина, сила моя, мой покой, моя защита,—все, все я въ Тебѣ одномъ обрѣтаю!»

Не мало у Григорія стихотвореній догматическаго содержанія, которые написаны съ цѣлью дать доступное изложеніе истинъ вѣры христіанской. Таковы: «О началахъ», «О Сынѣ», «О Св. Духѣ», «О мірѣ», «О промыслѣ», «О душѣ», «О человѣческой природѣ» и др.

Въ стихотвореніяхъ Григорія ярко, живо и подробно раскрыта внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, борьба плоти съ духомъ, очерчена суета настоящей жизни. Видное мѣсто среди стихотвореній занимаетъ то, въ которомъ онъ описываетъ свою жизнь. Это стихотвореніе отличается истинно художественнымъ исполненіемъ. Стихотвореніе, проникнутое скорбью, знакомитъ не только съ жизнью поэта, но и сообщаетъ вѣрную и живую картину правовъ, характеристику многихъ людей. Такъ дается художественное изображеніе жизни Церкви, втораго вселенскаго собора. Въ названномъ стихотвореніи много груст-

наго, какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, но это не ропотъ и не отчаяніе, которыхъ не зналъ поэтъ.

Вообще стихи Григорія представляютъ собою «исповѣдь превосходнаго духа, вздохи святой души, которая ни въ чемъ не можетъ находить себѣ удовлетворенія, кромѣ какъ въ своемъ Богѣ».

3.

Удалившись окончательно отъ дѣлъ, лишь только издалека наблюдая за всѣмъ совершающимся въ христіанскомъ мірѣ, Григорій велъ жизнь не только уединенную, но и прямо подвижническую, изиуря свое тѣло. Но не смотря на это, нѣкоторые упрекали его въ сибаритствѣ. «Одинъ неразумный, высокомерный человекъ,—пишетъ по этому поводу Григорій,—вздумалъ обвинить меня въ роскошествѣ, потому что я богатъ, потому что свободенъ отъ дѣлъ и имѣю садъ и небольшой источникъ. Но онъ умалчиваетъ о слезахъ, объ уздѣ, наложенной на чрево, о язвахъ на колѣняхъ, о ночномъ бдѣніи».

Въ 382 году, во время четырехдесятницы Григорій наложилъ на себя полное молчаніе. Цѣль такого подвига онъ самъ объясняетъ такъ: «Замѣтивъ, что стремительность бѣглаго слова не знаетъ ни вѣса ни мѣры, я совершенно удержалъ слово въ высокоумномъ сердцѣ, чтобы языкъ мой научился наблюдать, что ему можно говорить и чего нельзя. Молчаніе укрощаетъ и раздражительность, которая не высказываетъ себя, но сама въ себѣ поглощается».

Такой обѣтъ безмолвія для многихъ показался страннымъ. Но Григорій не нарушилъ обѣта, и хотя слушалъ, если ему говорили о добромъ и нужномъ, но отвѣчалъ только жестами или письмами.

Весь отдавшись подвигамъ, размышленіямъ, и какъ бы скрашивая жизнь стихами и перепискою, Григорій спокойно

ожидалъ приближенія смерти, и даже нерѣдко молилъ о ней, желая скорѣе соединиться съ Христомъ. Его ничто уже не привязывало къ жизни, и послѣдніе дни были приготовленіемъ къ смерти. Онъ постоянно увеличивалъ подвиги, чтобы сдѣлаться достойнымъ предстать предъ Святою Троицею. Жизнь ему становилась тяжелой, и онъ взывалъ на молитвѣ: «Поддай мертвецу твоему, Христе, кончину жизни, подай утружденному отдохновеніе, и возведи меня къ легчайшей жизни, приблизь путника къ небесному чертогу, гдѣ слава единого вѣчнаго Бога, сіяющаго въ трехъ Свѣтахъ».

И Богъ внялъ его молитвѣ. Въ началѣ 390 года онъ отошелъ къ Господу, Которому служилъ со всей ревностью, Котораго любилъ со всей пылкостью своего чистаго сердца, — къ Господу, познавать котораго училъ онъ людей и въ санѣ іерея и въ санѣ епископа, училъ своимъ словомъ и своими дѣлами. —

«Свѣтозарные ангелы, неизмѣримымъ кругомъ обстоящіе равночестный свѣтъ трисіяннаго Божества, пріймите недостойнаго Григорія священника».

Таковы были послѣднія слова Григорія Богослова, скончавшагося 21 января, 62-хъ лѣтъ.

Его погребли въ Назіанзѣ, гдѣ покоились и его родители. Въ 950 году его мощи были перенесены въ Константинополь и поставлены въ церковь апостоловъ. Во время крестоносцевъ часть нетлѣнныхъ мощей св. Григорія перенесена въ Римъ.

При погребеніи Григорія никто не сказалъ надгробнаго слова. Усопшій святитель, какъ бы предчувствуя это, самъ написалъ два надгробія: одно самому себѣ, а другое — на общую гробницу своего семейства.

Вотъ что гласитъ первое надгробіе:

Во - 1-хъ — Богъ даровалъ меня молившейся свѣтлой матери; во - 2-хъ — пріянялъ отъ матери, какъ угодный ему даръ; въ - 3-хъ — умирающаго меня спасъ пречистой Тра-

пезой; въ-4-хъ—Слово даровало мнѣ обоюдо-острое слово; въ-5-хъ—дѣвство привѣтствовало меня въ дружелюбныхъ сновидѣніяхъ; въ-6-хъ—приносилъ я единопдушныя жертвы съ Васпліемъ; въ-7-хъ—Жизнеподатель исхитилъ меня изъ нѣдръ бездны; въ-8-хъ—очистилъ Онъ мои руки болѣзнями; въ-9-хъ—юнѣйшему Риму (Константинополю) возвратилъ я, о Царь, Троицу, и въ-10-хъ—былъ поражаемъ камнями или друзьями.

Въ V в. Анатоліемъ Константинопольскимъ, и въ VIII и IX Козьмою Маіумскимъ, Теофаномъ и другими написаны хвалебныя пѣсни Григорію Богослову; эти пѣсни поются и нынѣ православною Церковью, которая назвала Григорія Богословомъ вторымъ и свѣтлымъ прописателемъ Троицы. Въ своихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ православная Церковь взываетъ къ св. Григорію: «Богословнымъ языкомъ твоимъ сплетенія риторская разрушивый, славне, православія одеждою свынне истканною Церковь украсилъ еси: радуйся, отче, Богословія уме крѣпнѣйшій!»

Глава четвертая.

I.

Григорій Богословъ перенесъ не мало обидъ при жизни—клевета старалась очернить его, а злоба умалить значеніе его личности и его трудовъ. Но правда восторжествовала, и если при жизни Григорія уже многіе высоко его цѣнили, то впоследствии ему было отдано все должное. Еще Руфицъ такъ восторженно отзывался о Григоріи: «Онъ мужъ несравненный во всѣхъ отношеніяхъ, доставилъ блистательнѣйшій свѣтъ знанія Церкви, показалъ ученіе, равное своей жизни. Ничего нѣтъ честиѣе и свѣтлѣе его жизни, чище и правѣе его вѣры. Онъ одинъ таковъ, что о его вѣрѣ не могли спорить и несогласные между

собою. Тотъ не содержитъ правой вѣры, кто не согласенъ въ вѣрѣ съ Григоріемъ».

И эти слова Руфина какъ бы подтвердила и узаконила православная Церковь, которая признала учение Григорія—своимъ учениемъ—какъ самое точное и правильное выраженіе того, что она—Церковь исповѣдывала въ своемъ символѣ. Получивъ отъ Церкви прозваніе Божеслова, онъ названъ Василиемъ Великимъ «устами Христовыми».

Значеніе личности Григорія для современниковъ уже видно изъ того, что даже въ то время, когда онъ, удручаемый старостію и болѣзнями, прибылъ въ родное село, бѣдный, одинокій, о немъ говорилъ весь тогдашній міръ, его уважали цари, слушались епископы, благословляли народъ и боялись самыя ожесточенныя враги. Онъ былъ однимъ изъ великихъ церковныхъ свѣтилъ славнаго IV вѣка и отличался тѣми высокими душевными, умственными и нравственными качествами, которыхъ отрицать не дерзали и люди, его ненавидѣвшіе. Всякая клевета съ позоромъ удалялась отъ чистой жизни Григорія «Конечно, говорить Фарраръ, онъ не былъ чуждъ и недостатковъ, ибо и онъ былъ человѣкъ. Онъ страдалъ приступами раздражительной чувствительности, и ему недоставало властности таклхъ людей, какъ Василій. Ему недоставало и той настойчивости, которая даетъ возможность людямъ не только пренебрегать изостью своихъ противниковъ, но и выступать противъ нее, подавляя ее. Онъ уступалъ и уходилъ, боясь посѣять раздоръ. Онъ не обладалъ практичностью администратора, — и былъ очень довѣрчивъ. Но въ его недостаткахъ человѣческихъ не было и тѣни—недостойнаго. Полный глубокой любви къ Богу и пламенной ревности къ истинѣ, онъ отличался высокимъ человѣколюбіемъ и рѣдкою терпимостью. Онъ быстро оскорблялся, но и всегда быстро прощалъ обиды. Его дружба была полна благородства и переживала все огорченія. Всю

свою жизнь онъ посвящалъ высшимъ цѣлямъ, и все, что у него было—знаніе, имущество, самого себя—онъ принесъ къ подножію Христа. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которыми рано овладѣваетъ Божья благодать»

Его дѣятельность многоплодна и до патріаршества. Но еще значительнѣе она была въ Константинополѣ. Маленькая православная община, лишенная храмовъ и пастырей, окруженная врагами и ихъ злобою, въ короткое время стала многочисленной. Онъ и въ уединеніи не оставлялъ заботъ о Церкви. Ревнуя о вѣрѣ, онъ служилъ Церкви всегда и какъ только могъ, насколько хватало силъ и здоровья. Утѣшая отчаявшихся, наставляя неразумныхъ, просвѣщая незнающихъ, онъ говорилъ проповѣди, писалъ письма, стихи, и его нравственное значеніе, какъ христіанскаго пастыря, велико было всегда: прежде и нынѣ

Его многочисленныя творенія до сихъ поръ представляютъ собою драгоценное сокровище, не знать котораго не только стыдно, но и безумно для каждаго истиннаго христіанина, жаждущаго познать истину. И это чтеніе, помимо пользы, принесетъ и высокое наслажденіе, ибо краснорѣчіе его изысканно, его языкъ классическій, письмо художественно. Не даромъ его проповѣдями заслушивались не только православные, но и еретики и язычники. Познакомиться съ твореніями св. Григорія — значитъ не только постигнуть многія истины, но и познакомиться съ личностью подвижника - проповѣдника, святителя - поэта, личностью высоко обаятельною. Чувствомъ любви къ Церкви и всему святому проникнуты всѣ его творенія, какъ этимъ же чувствомъ, «словно красною неразрывною нитью перевита вся его чистая праведная жизнь».

II.

Среди твореній Григорія Богослова первое мѣсто занимаютъ, конечно, проповѣди. Писались онѣ по разнымъ

случаямъ, которыхъ было не мало въ церковной, общественной и частной жизни проповѣдника. Св. Григорій обличалъ Юліана Отступника, желавшаго уничтожить христіанство и постоянно его унижавшаго; боролся съ аріанствомъ, мечтавшимъ въ своемъ дерзкомъ заблужденіи поглотить православіе. Въ Константинополѣ аріанство господствовало надъ всѣми. И вотъ Григорій Богословъ выступаетъ съ горячимъ словомъ: «О постановленіи епископовъ и догматѣ св. Троицы». На ряду съ процвѣтаніемъ еретическихъ ученій, св. Григорій замѣтилъ и другое вредное для Церкви явленіе. Православные всякаго званія и состоянія, во всякое время, на всякомъ удобномъ и неудобномъ мѣстѣ, обсуждали христіанскіе догматы, какъ обыденные житейскіе вопросы. Отъ этого терялось уваженіе къ самымъ догматамъ и подрывался авторитетъ православія, когда противъ ученыхъ и искусныхъ въ спорѣ выступили люди простые, необразованные. Чтобы положить предѣлъ вреднымъ словопреніямъ и дать истинное ученіе о догматѣ Троицы, св. Григорій и произнесъ свои знаменитыя пять поученій о богословіи. Съ этими поученіями по своему содержанію сходны проповѣди: «О соблюденіи добраго порядка при собесѣдованіи и о томъ, что не всякій и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ» и «Противъ аріанъ и о самомъ себѣ». Замѣчательно также его слово догматическаго характера: «Въ память мучениковъ и противъ аріанъ».

Св. Григорій произносилъ слова и въ защиту угнетенныхъ, въ защиту городовъ отъ начальническаго гнѣва, слова утѣшенія и ободренія. Имъ написано пять прекрасныхъ нравоучительныхъ проповѣдей, въ которыхъ онъ касается любви къ бѣднымъ, необходимости сохраненія мира, брака и другихъ вопросовъ. Затѣмъ идутъ поученія на различные праздники, надгробія и по поводу фактовъ изъ личной жизни проповѣдника.

Всѣ его рѣчи, посланія и поученія отличаются «тор-

жественностью, священнымъ величіемъ»; онѣ запечатлѣны, по выраженію митрополита Филарета, «возвышенностью и силой мысли и пламенностью чувства», тогда какъ стихи отличаются творческимъ вдохновеніемъ. Его догматическія творенія — замѣчательные уроки вѣры; правоучительныя — уроки высокой христіанской нравственности. Если прибавить, что все это выражено сильно, изображено ярко, порой художественно, и проникнуто чувствомъ, то еще разъ надо замѣтить, что чтеніе твореній св. Григорія Богослова является для каждаго христіанина назидательнымъ чтеніемъ.

Нѣкоторыя творенія Григорія вошли въ богослуженіе, сдѣлались церковными пѣснями. Такъ, напр.: «Воскресенія день, просвѣтимся людіе! Пасха Господня, пасха!», «Очистимъ чувства и узримъ», «На Божественной стражѣ, богоглаголивый Аввакумъ...», «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совозстаю днесъ, воскресшу Тебѣ...», «Сей нареченный и святыи день единъ субботъ, Царь и Господь, праздниковъ праздникъ!..» и др. Въ рождественскомъ канонѣ Григорію принадлежитъ весь ирмосъ: «Христосъ рождается, славите...»

Святой подвижникъ почилъ много столѣтій тому назадъ. Но онъ и доселѣ пребываетъ ходатаемъ и молитвенникомъ за воинствующую Христову Церковь, великимъ учителемъ, слово котораго для жаждущихъ истины является источникомъ, утоляющимъ душевную жажду. А жизнь св. Григорія, чистая и безупречная, является въ то же время лучшимъ образцомъ для всѣхъ насъ, мѣтущихся, озлобленныхъ и плутающихъ на бездорожьи. Вдумаемся же въ жизнь святителя, проникнемся его вѣрой, любовью, непамятозлобіемъ и научимся у него, любя св. Троицу, всегда служить Ей и словомъ и дѣломъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Сергіевъ Посадъ, Пещерная Обитель.

1899 г. іюля 18.

Источники и пособия при составленіи очерка.

- 1) Творенія св. Григорія Богослова.
  - 2) Его же,—Письма.
  - 3) Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей.
  - 4) Житія святыхъ, чтимыхъ православной Церковью. Составилъ преосвящ. Филаретъ (Гумилевскій).
  - 5) Жизнь и труды св. отцовъ и учителей Церкви. Очерки церковной исторіи въ біографіяхъ. Ф. Фаррара. Пер. А. П. Лопухина.
  - 6) Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ христіанству. Я. Алфіонова.
  - 7) Св. Григорій Богословъ, архіепископъ константинопольскій. Сост. И. Р. (Подъ ред. преосвященнаго Никанора, еписк. архангельскаго и холмогорскаго).
  - 8) Жизнь св. Григорія Богослова, архіепископа константинопольскаго, и его пастырская дѣятельность. Архимандрита Агапита.
  - 9) Житія святыхъ Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Прот. Дебольскаго.
  - 10) Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. Филарета (Гумилевскаго), арх. черниговскаго.
  - 11) О стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова. А. Порфирія. (Труды Киевск. дух. академіи, 1863 г.).
  - 12) Послѣдніе представители политеизма древняго міра. Юр—скаго.
-

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу: www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru